

СОЛЖЕНИЦЫН И ДЕЛО БЕЙЛИСА

Выпустив в 1976 году в Англии книгу "Необходимый разговор с Солженицыным", я предпослал ей следующее введение:

В этой книге автор рассказывает о событиях, к которым он оказался причастен вместе с Солженицыным, о роли в них Солженицына и других участников. Он также говорит о том, как эти общие для них события, как общие взгляды, мысли, чувства не объединили, а разобщили их – из-за различия в понимании и осуществлении того, что именуется человеческими отношениями, моральными принципами, противостоянием злу. Видя в таком разобщении и различии одну из основных проблем современности, автор пытается понять их истоки и преодолеть их.

Тогда же я решил к теме "Солженицын" никогда уже больше не возвращаться. Причин тому было несколько. Во-первых, всё, что мне было действительно *необходимо* сказать в связи с Солженицыным, я сказал в книге. Во-вторых, чисто эмоционально мне не хотелось снова вовлекаться в неё. И, наконец, я не мог не осознавать: что бы я отныне ни сказал о Солженицыне, в глазах других это может быть окрашено влиянием личных мотивов.

Поэтому, когда в последующие годы у меня и возникало желание "отреагировать" на те или иные аспекты деятельности Солженицына, я никогда не позволял ему подняться до уровня реализации. Ничего здесь не изменило и появление "еврейской" книги Солженицына, хотя я получил от друзей, вместе с экземплярами книги, просьбы высказать своё мнение о ней. Я даже поначалу не стал читать её – несмотря на то, что и тема еврейская мне близка, и к автору и его деятельности у меня остался интерес.

Я знал об ажиотаже, который вызвала книга в России. Легко представить, как читатели из разных "лагерей" набросились на неё с целью выяснения двух вопросов: с кем же автор в еврейском вопросе – с "нами" или с "ними", и чем евреи были и есть для России – благом или злом. Ни один из этих вопросов меня не интересовал. Был ещё один вопрос – предреволюционная история российского еврейства, которую я, можно сказать, не знал, но зато знал, что изучать её "по Солженицыну" не буду. Я не сомневался, что книга содержит массу незнакомого мне и интересного материала, но о его *исторической* достоверности, то есть о полноте и объективности фактов, рассматриваемых в конкретном историческом контексте, я сам, в силу отсутствия соответствующих знаний, судить не мог. Довериться же объективности Солженицына я, основываясь на предыдущем опыте, тоже не мог. Я знаю, как пагубно бывает делать выводы о настоящем только на основании прошлого, но в данном случае я не очень грешил, т.к. вывод мой был исключительно для "внутреннего пользования", а если бы к тому же новые факты опровергли его, я бы с готовностью от него отказался.

Вот вторую часть книги, современную, я решил обязательно прочесть – как свидетель и участник описываемой в ней жизни, а может быть также и некоторых событий. Не знаю, почему Солженицын не опубликовал её вместе с первой. Если опять же судить по его прошлым действиям, то можно легко увидеть в этом его очередной "тактический ход", когда первая часть выпускается в виде "пробного шара", чтобы посмотреть и оценить реакцию на неё и в соответствии с этим решать, делать ли какие-либо изменения во второй, когда её выпускать (может быть вообще не при жизни) и пр. Впрочем, возможно книга уже в наборе или даже вышла.

Но один эпизод из российской истории еврейства был мне хорошо знаком. Получивший печальную мировую известность, он не мог не быть отражён в книге Солженицына. Я решил найти его там и прочитать то, что о нём написано – и это должно было хоть в какой-то степени продемонстрировать как подход Солженицына к выбранной им теме, его способность охватить её и проникнуть в неё, так и объективность его изложения. Эпизод этот – дело Бейлиса.

Впервые я "познакомился" с ним в детстве, вернее, не с ним, а с одним из его отзвуков, которые продолжали жить в стране и через сорок лет после его завершения, хотя и страна, и народ, и сама жизнь были другие – советские. Однажды я услышал, как авторшу отборной антисемитской тирады назвали Веркой Чеберячкой. Тогда я подумал, что это и было имя той женщины, и только много позже я узнал, что имя это – нарицательное, применимое ко многим людям обоего пола, среди которых я жил.

Потом, постепенно, из разных устных и письменных источников, я узнал больше об этом деле, о разных его аспектах и о том общественно-историческом фоне, на котором оно происходило. А оказавшись на Западе, я прочитал "Кровавый навет" Мориса Самюэла – великолепное изложение дела Бейлиса, дающее необыкновенно живую и цельную картину как самих событий, так и атмосферы, в которой они разворачивались. После прочтения этой книги и она сама, и описываемые в ней события ушли для меня в прошлое, казалось – навсегда, но вот теперь, 25 лет спустя, книга Солженицына снова вернула меня к ним.

В многовековой предхолокостной истории преследования евреев дело Бейлиса занимает особое место. Не в силу особой жестокости преследователей или особых страданий их жертвы. Преследователи в этом деле, даже худшие из них, не отличались по бушевавшей в их душах ненависти к евреям от своих предшественников, а по реализации этой ненависти преуспели меньше их. И страдания жертвы, как бы тяжелы они ни были для него самого, всё-таки не шли ни в какое сравнение с тем ужасом, который выпадал, скажем, на долю жертв "рядового" погрома. Нет, особым это событие делает для нас другое.

Если бы не было того, что какое-то время спустя осуществил Гитлер и начал осуществлять Сталин, то дело Бейлиса было бы, вероятно, кульминацией преследования евреев, тем более позорной, что имело место не в какие-то отдалённые времена, когда темнота, примитивизм и недоразвитость человеческого сознания порождали явления, которые мы сегодня называем дикими, а в наше время, когда человечество достигло высшей своей зрелости и степени сознания. Но обвинение, выдвинутое против всего еврейского народа в начале XX века, было извлечено из тех далёких времён – тем тёмным и примитивным сознанием. И сделано оно было открыто, громогласно, на всю вселенную – с гиком, воем и истеричными воплями. Причём сделано не только какой-то группкой оголтелых громил, а всей мощью российской государственно-имперской машины, от "августейшей особы" до мелкого чиновника. Если бы эта провокация удалась, то последствия для российского еврейства (и даже для мирового) были бы воистину трагичны.

Но и для самой России дело Бейлиса было событием далеко не рядовым, а на какой-то момент даже стало центральным. Хотя антисемитизм и различные формы преследования евреев, от государственной черты осёдлости до "народных" погромов (недаром это русское слово в числе немногих вошло в международный лексикон), не были для России чем-то новым, дело Бейлиса, в силу вышесказанного, стало её позором – позором государственным, административным, общественным, культурным и просто человеческим. Но оно стало и её славой. Ибо дело Бейлиса в одинаковой степени выявило всё то худшее и лучшее, что было в России. Оно как бы сделало разрез по всему российскому обществу, сверху донизу, и вскрыло то, что было в нём здорового и больного. И если худшее российское было выражением надира, до которого способно было скатиться человечество, то и лучшее, что дала в то время Россия (дело Бейлиса было одной из лакмусовых бумажек, выявивших это), представляло достижения не только её самой, но и всего человечества. Оно было лучшим – по самым высоким общечеловеческим меркам.

Найдя и прочитав солженицынское изложение дело Бейлиса поначалу из чисто "академического" интереса, я потом снова, как много лет назад, углубился в эту тему, а затем вновь вернулся к тексту Солженицына, на этот раз внимательно

читая и перечитывая его. Моя реакция на прочитанное оказалась, неожиданно для меня, настолько эмоционально сильной, что смела мой наложенный на себя многолетний "обет молчания" и побудила выступить публично.

Чем же на меня так подействовал этот текст? Своим *что* и *как*, ибо написанное Солженицыным – не беспристрастное и объективное изложение фактов, а их препарирование и подача читателю в определённом ключе. Текст Солженицына не только содержит неточности, ошибки и заведомые искажения, но не передаёт и истинных духа и атмосферы, царивших вокруг происходивших событий, которые в данном случае не менее важны, чем сами события, то есть являются *фактами*. Вместо них Солженицын создаёт свои собственные атмосферу и настрой, которые, вкуче с его далеко не беспристрастными комментариями, на которые он, безусловно, имеет право, призваны вызвать у читателя определённые впечатления и подвести его к определённым мнениям и оценкам.

К чему же хочет подвести читателя Солженицын и как он это делает? Ответ на этот вопрос может быть дан только путём детального, с ссылками на источники, разбора и анализа всех семи страниц солженицынского текста – абзаца за абзацем, предложения за предложением. Так я и думал поступить, но потом принял другое решение. Вместо такого сравнительного анализа я решил предложить читателю нечто иное, о чём скажу ниже, а сейчас объясню, почему решил не представлять собственного разбора.

Когда мы, обычные читатели, читаем материалы специалистов на общественные, политические, исторические и другие темы, то по большей части у нас нет возможности (и желания) проверять приводимые в них данные и обоснованность сделанных выводов. Вопрос их принятия или непринятия нами обычно решается на основе наших симпатий и антипатий к высказанным суждениям или даже к их авторам. То же относится к данной книге Солженицына – ни один рядовой читатель не сможет, даже при наличии большого желания, проверить по первоисточникам все приводимые в книге факты и сделать по ним *собственные* выводы. А вот по делу Бейлиса – может. И должен, если не хочет в оценке книги оставаться на уровне своих эмоций или полностью полагаться на то, что говорят другие. Вот таким "другим" я не хочу быть для читателя, да в этом и нет необходимости – то, что сделал я, может сделать любой добросовестный читатель.

Я лишь представлю ему источник, которым сам пользовался для сравнительного анализа, чтобы он смог решить, хочет ли обращаться к нему или к какому другому. (Дело Бейлиса не является, естественно, единственным эпизодом, по которому читатель может проверить методологию Солженицына и составить собственное мнение. Другие я просто не анализировал.) Источник этот – вышеназванная книга "Кровавый навет". Не только указать, но и представить книгу и, главным образом, автора, я посчитал необходимым потому, что, во-первых, мне неизвестно, знаком ли с ней российский читатель (известный мне русский перевод вышел за рубежом в 1975 году). А во-вторых, коль скоро я не привожу своего сравнительного анализа, а побуждаю читателя самому сделать его, то он должен знать, что же я сам использовал – а теперь предлагаю ему – для этой цели. В полной мере оценить, насколько автор и его книга заслуживают доверия, читатель сможет, разумеется, только на основании самой книги, но несколько слов об авторе и его работе над книгой, о том, в каком морально-интеллектуальном ключе она написана, могут помочь читателю решить, стоит ли обращаться к ней.

Морис Самюэл (1895-1972) был широко, по-европейски, образованным человеком, знал несколько языков, жил во Франции, Англии, где получил образование, и в Америке, а также много путешествовал, читая лекции и собирая материалы для своих книг. "Главным его интересом в течение почти пятидесяти лет, - читаем мы в биографической справке, - было положение евреев в западном мире; 15 его книг содержат в себе описание еврейских культурных ценностей или же исследования взаимодействия христианского и еврейского миропонимания. Он

главным образом посвятил себя вопросу антисемитизма как особенности христианской цивилизации и влиянию антисемитизма на христианство и иудаизм".

Я думаю, читателю, даже безотносительно к данной теме, а тем более в прямой связи с ней, будет интересно узнать, с какими чувствами и мыслями автор и его поколение вступали в жизнь в том мире, который был непосредственной предтечей нашего, и с какими завершали её уже в мире нашем. Вот как он писал об этом в 1966 году в предисловии к "Кровавому навету":

Контраст между нашим миропониманием теперь и пятьдесят лет назад может быть выражен только в субъективной форме. Я был тогда молод, а 20-ый век только зарождался; и я, и век были очень высокого мнения о себе... "Мы стояли тогда божественно спокойные, ещё не зная, что приговор уже вынесен" (Франсис Томпсон).

Дело Бейлиса, при всей низости его замысла, мы рассматривали как последние судороги умирающего деспотизма, и нам и не снилось, что оно является лишь предвестником ожидавших нас в будущем, совершенно невообразимых преступлений новых деспотов.

Мой личный интерес к еврейскому вопросу был в те времена отдалённым; вопрос этот мне казался второстепенным; он заслонялся в моём сознании интересом к всеобщей борьбе за свободу и справедливость во всём мире. Россия, огромная, несчастная, таинственная страна, с её окопавшимся для борьбы с революцией самодержавием – лицом к лицу с голодным народом, лишённым земли, свободы, занимала гораздо больше места в наших мыслях.

Антисемитизм был лишь диверсией, выдуманной для того, чтобы отвлечь наше внимание от главной задачи; нельзя было принимать его всерьёз, чтобы не попасть в ловушку, расставленную общим врагом, – надо было его не замечать, тогда он никогда больше не будет играть никакой роли в истории.

Жалобные разговоры об антисемитизме казались мне мелкими, надоедали мне и утомляли меня не только потому, что о нём нельзя было сказать ничего нового, но также и потому, что вопрос этот казался таким же неактуальным, как, например, рабовладение или божественное право королей.

Еврейский вопрос, по нашим тогдашним понятиям, принадлежал уже прошлому, а проблемы нашего времени носили общечеловеческий характер. Шёл последний бой за уничтожение автократии, деспотизма и вообще всех форм притеснения.

Война эта, нам казалось, была уже выиграна, и только правители России и ещё нескольких отсталых стран почему-то этого не понимали.

Мы, либералы и социалисты того времени, восторженно повторяли, сформулированные ещё для прошлого поколения, слова великого Джона Морлея: "Право свободно мыслить и поступать согласно собственному разуму без благоговейного страха перед властью имущими; право устраивать свою жизнь без оглядки на установленные обычаи; в наше время права эти, в том или ином смысле – окончательно установленный принцип каждой философской школы, способной, хотя бы в малой степени, влиять на ход истории".

Сегодня, состарившись вместе с моим веком, я могу сделать более трезвую оценку фактов жизни. Наш "установленный принцип" всё ещё ведёт борьбу за своё существование; самонадеянность наша полвека тому назад оказалась едва ли не роковой, и если ещё можно надеяться, что принципы будут управлять историей, то это потому только, что мы перестали быть столь самоуверенны.

Мы знаем, что война между различными философскими течениями далеко не кончена, и мы больше не думаем, что идея свободы должна непременно победить; мы полностью отдаём себе отчёт в том, что враги свободы, как справа так и слева, сильны своей многочисленностью и своим умением маскироваться и вносить смятение в наши ряды.

Только в одной области наш старый оптимизм всё ещё возвращается к нам; из-за всеобщего отвращения к нацистским зверствам снова преобладает уверенность, что теперь-то, наконец, раз и навсегда покончено с антисемитизмом, что очень скоро еврейский вопрос не только будет предан забвению, но и сделается людям непонятным.

И правда, только примитивное и всеми осмеянное меньшинство позволяет себе сегодня открытые антисемитские выпады. Однако, широко распространённое мнение, что это меньшинство полностью представляет собой весь существующий в мире антисемитизм (или хотя бы его наиболее значительную часть), далеко от истины и может повлечь за собой весьма печальные последствия.

Интересно, что бы автор сказал – или мы бы ему – сегодня, на заре нового, 21-го века? Но это уже другая тема и проблема, увы, не философского плана. Но вернёмся к делу Бейлиса, к тому, как современник-автор воспринял его из своего английского далека. Он пишет, что хотя Россия того времени и "была оплотом неограниченной монархии и реакции" и в ней "царствовал официальный государственный антисемитизм, были еврейские погромы", возникновение дела Бейлиса поразило его:

Мы ведь также знали, что Россия – не только тьма и деспотизм, что она нам дала Достоевского, Тургенева, Горького, Менделеева и Лобачевского; и прежде всего – Толстого, одного из величайших мыслителей-моралистов всех веков.

Несмотря на нелепую цензуру, печать в России была преимущественно либеральной, судебная система, по крайней мере в теории, казалась одной из лучших в Европе.

Мы также никогда не думали, что русский народ состоит из дикарей; если он и безграмотен, то не бесчувственен, и если он и суеверен, то не зол.

У нас в Манчестере жили тысячи русских евреев, многие из них беженцы от погромов 1880 и 1903-6 гг. Они не чувствовали вражды к русскому народу, часто говорили о нём с любовью.* Погромы были делом хулиганской группы, известной под именем "чёрной сотни", а также сочувствовавшего ей, а иногда и содействовавшего ей, правительства.

Рабочие и особенно крестьяне, составлявшие бóльшую часть населения, были добродушны и приветливы; их долей был тяжкий труд и вечное недоедание. Многие из них были неразумны и склонны к пьянству, но страдания не лишали их человеческих чувств.

Но не только в то время, а уже будучи зрелым писателем и пожилым человеком, автор не предполагал, что будет писать книгу о деле Бейлиса. Однако писателям больше, вероятно, чем другим людям, известно, что человек предполагает, а Бог располагает. Предоставим снова слово Морису Самуэлу:

Когда осенью 1962 г. я начал знакомиться с материалами дела Бейлиса, – в своё время нашумевшего, но теперь совершенно забытого, – у меня не было намерения написать книгу об этом процессе. Тема была соблазнительна, но у меня были другие, давно намеченные планы, а времени для их исполнения оставалось в жизни не так много; в свободное время я стал читать об этом деле только для того, чтобы вновь возвратиться к этим, уж столь отдалённым, временам.

---

* В той же Англии, но 70 лет спустя, мне пришлось услышать, тоже от провинциального русского еврея, побывавшего благодаря превратностям судьбы в разных уголках страны, а после эмиграции – и в разных странах, такие вот слова: "А всё-таки самые лучшие люди – русские! И товарищ самый верный – русский!"

Но недели стали растягиваться в месяцы, изыскания мои становились всё тщательнее, всё глубже; в перспективе пяти десятилетий старые воспоминания приобретали новый смысл, исследование всё больше превращалось в навязчивую идею, и вот в результате я предлагаю вниманию читателей эту книгу.

Солженицын, у которого, как он говорит, годами и даже десятилетиями копился материал для его книги, подойдя в ней к делу Бейлиса, пишет: "О процессе Бейлиса написаны тысячи и тысячи страниц. Кто захотел бы теперь вникнуть подробно во все извивы следствия, общественной кампании и суда – должен был бы, без преувеличения, потратить не один год. Это – за пределами нашей книги".

Но то, что не захотел и не смог сделать Солженицын, захотел и смог сделать Морис Самуэл. Более трёх лет работал он над книгой, изучая первоисточники, документы и свидетельства, всевозможные материалы на разных языках (в книге приводится их полная библиография), имея "много бесед с современниками этого процесса (некоторые из которых присутствовали на нём – И.З.), проживавшими в Киеве и в других городах России в то время", а также пользуясь помощью специалистов и других лиц, затративших на эту помощь "много времени и много усилий". Выражая им свою благодарность, автор пишет:

Я бы хотел подчеркнуть, что хотя я и не смог бы провести эту работу без преданности и добросовестных советов моих, выше перечисленных, русских экспертов, я несколько раз расходился с ними во мнении по поводу интерпретации событий; и они не могут быть ответственны за, возможно, вкравшиеся в это повествование ошибки. Я только могу надеяться, что в целом возможные ошибки не повлияют на основную точность этого отчёта.

Ещё я хочу сказать, что предлагая читателю историю этого дела, я не пользовался никакой художественной литературой и не выдумывал никаких разговоров; я старался каждый раз сделать ясным, когда интерпретация событий была моей и когда она принадлежала другим лицам.

Итак, "Кровавый навет" является документальным отчётом, вобравшим в себя все доступные на тот момент материалы по данной теме. Этот факт, а также то, как автор с этими материалами обходится, делает его книгу образцом исторического исследования. Но перед нами не сухой отчёт – продукт холодного рассудка. Книга великолепно написана и читается как детективный роман, при этом моральная и человеческая позиция автора чётко обозначена. Но даже когда он декларирует её, как, например, во фразе: "Несмотря на всё наше желание быть беспристрастными, мы не можем принудить себя и поставить на одну доску обвинителей и их оппонентов", он никогда не смешивает факты с собственными оценками и не позволяет последним влиять на первые.

Я представил автора и его книгу в такой развёрнутой форме, чтобы оправдать перед читателем выбор своего критерия для оценки текста Солженицына, которому этот критерий – по объёму материала и проделанной работы, интеллектуальному багажу и моральной позиции, – мягко говоря, никак не уступает. Остальное, в смысле выбора критериев и авторитетных источников, – дело читателя. Сейчас же я хочу предложить ему нечто иное, о чём упоминал выше и для чего не надо ни пользоваться какими-либо критериями и источниками, ни выходить за пределы солженицынского текста – надо лишь иметь желание внимательно прочитать его.

Когда я сам впервые его прочитал, моей первой реакцией был вопрос: какое же представление о деле Бейлиса составят себе те, кто впервые узнал о нём от Солженицына? Поэтому я решил попробовать – и сейчас приглашаю читателя проделать это вместе со мной – прочитать текст глазами того, кто о деле Бейлиса практически ничего не знает и, соответственно, никаких суждений о нём иметь не может, но хочет получить о нём какую-то цельную картину. Естественно, мы все

читаем и воспринимаем прочитанное по-разному, и внимание и интерес наши весьма избирательны, не говоря уже о немалом грузе субъективности и предубежденности, которые каждый из нас несёт в себе. Со всем этим приходится считаться.

Но тем более предлагаемое мной "коллективное упражнение" может оказаться полезным не только для самих участников, но и – что самое главное – на путях поиска истины. Итак, я предлагаю читателю результат своего "опыта медленного чтения" текста Солженицына с собственными вопросами и комментариями – далеко не беспристрастными, поскольку мой жанр публицистический, а не историко-научный, но, как я надеюсь, небеспристрастными лишь по форме изложения, а не по содержанию. В любом случае в распоряжении читателя будет достаточно материала для вынесения собственных суждений и оценок как самого текста (стр. 444-451), так и моих комментариев.

В отличие от другого какого-нибудь исторического эпизода или события, хотя, возможно, и важного, но обретающего смысл и значение только в совокупности с другими событиями, дело Бейлиса в этом отношении является самостоятельным и завершённым в самом себе, с началом, концом и соединяющей их цепью событий. Этим в значительной степени облегчается задача его пересказа, который может быть сделан и в несколько предложений и, как у Солженицына, в несколько страниц. Для этого совершенно не обязательно самому его исследовать, что Солженицын и не делает, но обязательно, если пересказ становится частью научно-исторического исследования, указать его источник. Солженицын источников своего изложения дела Бейлиса не указывает и не цитирует.

Он, конечно, говорит о некоторых из них и даже рекомендует читателю, но остаётся совершенно неясным, пользовался ли он ими, или другими первоисточниками, сам. Так, упомянув полицейские донесения о процессе Бейлиса, он говорит, что читателю "можно предложить и их", то есть в дополнение – но к чему конкретно? Об этом ничего не говорится. Или об одном из важнейших документов: «само собой велась полная стенограмма процесса и была опубликована» – где, когда, кем? И читал ли её сам Солженицын? В тексте имеются, разумеется, и цитаты с ссылками – в поддержку того, что хочет сказать Солженицын, но ни одна из них не относится к центральному стволу дела Бейлиса.

Подробно описав способ убийства мальчика Ющинского, назвав его "необычным" и сделанным "с очевидным знанием анатомии", Солженицын заключает: "Осуществить такое мог только весьма умелый преступник". Это абсолютно не так. Умелый преступник убивает свою жертву одним ударом, и ему совершенно не нужно знание анатомии. В истории криминальных преступлений известны случаи убийств, совершённых "с очевидным знанием анатомии", но сделаны они были не "умелыми преступниками", а умелыми врачами-профессионалами, ставшими садистами. Именно с таким садистом-убийцей, судя по описанию Солженицына, мы и имеем здесь дело, ибо оно было совершено, как он поясняет, "с видимой целью полностью обескровить его [мальчика] живого".

Переходя далее к описанию последующих событий, Солженицын пишет: "В самых первых обвинениях не было ритуального мотива, но вскоре он возник", чем вызывает сразу несколько вопросов. Так значит, это было не просто садистское убийство, а ритуальное – что же Солженицын не сказал об этом сразу, ведь из его фразы вытекает, что ритуальный мотив был в этом деле с самого начала, но только не "возник" "в самых первых обвинениях" (а по уликам – должен был бы). Но если он возник "вскоре", то как, при каких обстоятельствах, почему именно тогда, а не раньше – как-никак уже были "первые обвинения", а значит и первые обвиняемые?

Но самый главный вопрос – что же такое в данном случае "ритуальное убийство" (а не просто это убийство)? В чём оно состоит, с какой целью, кем, как и когда совершается? А когда Солженицын пишет, что "убийство совпало с наступлением еврейской Пасхи и якобы закладкой новой синагоги на территории

Зайцева (еврея)" (где, согласно Солженицыну, было найдено тело, но не совершено убийство), то вопросов ещё прибавляется: какое отношение ко всему этому имеют еврейская Пасха и синагога?

Сообщив далее, что по ритуальной версии был "без убедительного подозрения" арестован Бейлис, Солженицын задаёт естественно возникающий вопрос: "Как это произошло?" Есть такие оборотистые издатели, которые, чтобы увеличить сбыт своей продукции, помещают такое вот примерно объявление: "Тому, кто найдёт в такой-то книге хоть одну опечатку, издательство выплатит премию в тысячу долларов!" Я, понятно, не обещаю читателю никаких вознаграждений, но хотя бы спортивного интереса ради предлагаю разыскать в последующем тексте ответ на этот эффектно заданный и интригующий вопрос.

В предложении – "Вели "следствие" как рядовое и отдалённо осмыслить не могли масштаба события, в которое ввязались" – почти каждое слово вызывает вопрос. Кавычки – они понятны, Солженицын его и следствием-то не считает, хотя в историческом отчёте факты лучше бы не окрашивать личным мнением. Что значит "ввязались"? Хороший ли следователь или плохой, разве не является его прямой обязанностью "ввязаться" в порученное ему дело, то есть расследовать его? И для добросовестного следователя не должно быть никакого разделения на дела "рядовые" и "нерядовые". О масштабе какого события говорит Солженицын? Если об описанном им убийстве, то его масштаб, представляется, может осмыслить любой нормальный человек и уж конечно же следователи-профессионалы, даже если Солженицын считает их "служебными и деловыми ничтожествами" (за что их только держали на службе?). Если же под "событием" и его "масштабом" он подразумевает то, во что дело Бейлиса вылилось, то не только следователи, не только участники процесса, но никто вообще в стране и во всём мире ни отдалённо, ни приближённо не мог это в то время осмыслить. И вообще это не дело следователя – осмысливать что-либо, лежащее за пределами его прямой задачи и обязанности.

Если Солженицын так и не объясняет, как же произошёл арест невинного человека, то не менее загадочным остаётся и последующее: "Следствие почти два года кидалось по ложным версиям... становилось всё ясней, что прокуратура решится формально обвинить и судить Бейлиса". Что же происходило с Бейлисом, пока следствие два года "кидалось по ложным версиям"? Находился ли он сам под следствием? Был ли он это время в тюрьме или на свободе? Если в тюрьме, то на каком основании? Если дома, то как и почему его снова арестовали? Кому "становилось всё ясней"? На каком основании? Как из двухлетнего "кидания" следствия вытекает решение прокуратуры?

Но обвинение – вот оно: "Бейлиса обвинили, при сомнительных уликах, потому, что он еврей". Позвольте, это же совершенно разные вещи. Сомнительные улики – это всё-таки улики, это не – "без всяких улик". А коль скоро хоть какие-то улики есть, здесь уже все подпадают под один закон – "хучь еврей, хучь всякий". Но если его обвинили только потому, что он еврей, без всяких на то оснований, то всё-таки хотелось бы знать, как же российскому государственному судопроизводству удалось это сделать, да ещё при "международном накале на всю Европу и Америку" – как-никак в России и в то время Нюрнбергские законы ещё не действовали.

Но может быть всё-таки действовали? Послушаем Солженицына: "Да как можно было в XX веке, не имея фактически обоснованного обвинения, вздуть такой процесс в угрозу целому народу? Перешагнув частную судьбу Бейлиса, оно уже выросло в обвинение против еврейства..." Тут мы узнаём и не узнаём несколько вещей сразу. Оказывается, обвинение всё-таки было, только оно не было "фактически обосновано" – но в чём же оно в конце концов состояло? Мы ж должны это знать – ведь это центр всего дела Бейлиса, да ещё "в угрозу целому народу"! Ещё хотим знать, как оно стало таковым, как "перешагнуло" и кто его "вздвухнул". Солженицын здесь пользуется удобным языковым приёмом – безличным оборотом,

но в событиях-то тех участвовали лица, лица – конкретные, живые, с именами и должностями.

Кстати, о языке – русском. В вышеприведённой цитате, во втором предложении, Солженицын пользуется личным местоимением "оно", которое призвано заменить, чтобы не повторяться, употреблённое ранее существительное. Мы, конечно, понимаем, какое существительное подразумевает Солженицын, но только где же оно в этом пассаже?

Только из последующей, в скобках, ссылки на "предыдущие ритуальные процессы в России" мы можем сделать вывод, что и этот процесс был, вероятно, того же плана. Но для чего же Солженицын вспоминает, пусть в скобках, о других ритуальных процессах, когда он об этом-то толком не говорит? Вот тут никаких загадок и недоговорок нет: не нашего они производства, говорит Солженицын, не русского, хотя и написано на них Made in Russia. Они – польско-католические, и Бейлисовский – тоже, раз один эксперт обвинения – католик, а один прокурор – поляк. Так что все эти процессы получают как бы сбоку припеку, не по теме – ведь книга-то о русско-еврейских отношениях, а не о еврейско-польско-католических. Ну-ну, – говорят в таких случаях евреи. Однако пойдём дальше.

И тут мы подходим к первым и, пожалуй, единственным, солженицынским ссылкам, цитатам и заимствованным комментариям, связанным с процессом. Кого же, из сотен и тысяч возможных кандидатов, выбирает он для такого особого случая? А вот кого – профессиональных антисемитов: Пуришкевича, Шульгина и В.Розанова. Жаль только, что не поясняет, с чего это вдруг записной антисемит Шульгин "выступил *против* этого процесса" (курсив Солженицына). Но особенно смачна цитата от Розанова. Представляю, как Солженицын, найдя её, берёт и ждал подходящего случая, чтобы пустить в дело. Ну что ж, дождался и пустил. Прокомментировать её я могу пожалуй что только аллегорией, сменив публицистический жанр на литературный: *Услышала как-то хозяйка дома шум в кладовой, пошла узнать, в чём дело, и видит: сидит кошка с мышью в зубах, а та дёргается, пищит. "Что тут у вас?" – говорит хозяйка. "Да вот, – отвечает кошка, переложив мышь из пасти в лапы, – железная лапа еврейской мыши... сегодня уже размахивается в кладовке и бьёт по мордам старых заслуженных русских котов, преданных слуг дома..."*

Но вернёмся к процессу. Написав ранее о "вздувании" чудовищного обвинения, Солженицын вдруг говорит: "Но и остановить обвинение и возобновить расследование, ещё при крайней необычности зверского убийства, тоже никто не решился". Ах, эти спасительные безличные языковые формы! Кто же такие эти "никто"? Но кто бы они ни были, не могли же они одновременно "вздувать" и останавливать – таких одновременно происходящих взаимоисключающих явлений ни в жизни, ни в природе не бывает. А если уж говорить о "решительности", то этим "никто" она нужна была не для того, чтобы "остановить" и "возобновить" – это было их прямой служебной обязанностью, а на то, чтобы нарушить её и "вздувать" – и тут-то они её как раз и проявили.

Здесь есть ещё один интересный момент – Солженицын нам скучать не даёт. "Но" в начале его предложения стоит потому, что следует сразу за ссылкой на протест Шульгина против процесса "в дни открытия суда". Ну, суд открывается не "в дни", а в день, но дело не в этом. Что же предлагает, хоть и задним числом, Солженицын – остановить обвинение после начала судебного процесса, да и то лишь потому, что кто-то выступил в газете "против"?! Шутить изволите, писатель.

Как бы сознавая, что какие-то важные вещи он не договаривает и критикой это может быть отмечено, Солженицын пишет: "Попытки проследить, даже только бы назвать десятки деталей этой предсудебной, затем и судебной сумятицы, ещё увеличили бы путаницу". Но это смотря какие детали – и о чём. К чему, например, приводимая выше ссылка на критику Бонч-Бруевичем Бразуля, да и на самого Бразуля? Или же следующий сразу за "отказом от деталей" пространный, в скобках,

пассаж о "метисах". Кстати, характерный момент, связанный с методологией Солженицына. Если уж он посчитал необходимым написать: "Нельзя не выделить двусмысленной роли и странного поведения на суде жандармского подполковника Павла Иванова", то есть посчитал эту "деталь" важной, то он должен был представить нам *факты*, а не собственную *оценку* – оценки мы сами делать умеем. Тем более что он тут же приводит совершенно другие факты и детали, связанные с убийством Столыпина, которые вообще никакого отношения к делу не имеют. И о какой "путанице" он говорит? Если она касается "ложных версий", то, действительно, в данном контексте она неактуальна. Если же речь идёт о самом главном – виновности или невиновности Бейлиса в совершении этого ужасного убийства, то "путаница" в этом вопросе должна была быть освещена самым подробным образом.

Перейдя к рассказу о суде, Солженицын снова приводит довольно странные "детали". Так, он говорит, что адвокаты защиты "разумеется, требовали стенографировать...". Остановимся пока в этом месте. Что значит «разумеется» и что значит "требовали", когда сам Солженицын сказал вначале, что "само собой велась полная стенограмма процесса"? Теперь вернёмся к тому, что "требовали стенографировать" адвокаты – оказывается, "срывы" прокурора. Я не знаю, была ли в российском судопроизводстве официальная градация сказанного в суде по категориям, как они квалифицировались, как протоколировались и каков был статус "срывов". Одно ясно – при полной стенограмме процесса это не имело ни малейшего значения.

"Удивляться ли, – вопрошает далее Солженицын, – что в дни суда" угрожающие письма получали представители обвинения, добавив: "а вероятно и адвокаты защиты". Удивляться, – отвечаю, – и даже очень, что в стране, где происходили погромы и действовал государственный антисемитизм, где евреи составляли незначительное и преследуемое меньшинство и жили в черте осёдлости, где против них "вздули" чудовищное, на государственном уровне, обвинение, – угрозы получали именно обвинители, а защитники – лишь "вероятно". И удивляюсь Солженицыну, что при голословном обвинении «в угрозу целому народу» он сам вообще находит нужным говорить об угрозах этим обвинителям, в то время как угрозы защите его даже не интересуют.

Поскольку убийство носило столь необычайный и, согласно Солженицыну, медико-анатомический характер, показания медицинской экспертизы должны были представлять особый интерес. О следственной медицинской экспертизе он вообще ничего не говорит – была ли она? что показала? – а о судебной говорит следующее: "Была на суде и подробная медицинская экспертиза – несколько профессоров, разошедшихся между собой, оставался ли жив Ющинский до последней раны или умер раньше, о мере его страданий". И это всё, чем занималась "подробная медицинская экспертиза" и зачем были привлечены несколько профессоров? Патологоанатомам может и интересно знать, на какой именно из 47 ран скончалась жертва, а любителям острых ощущений – о мере её страданий, но только разве для этого вызывают в суд экспертов?

Однако наберёмся терпения, ибо дальше Солженицын говорит: "Но центр процесса был в экспертизе богословской и научной – о самой принципиальной возможности ритуальных убийств со стороны евреев, на чём и сошлось всё мировое напряжение". Вот тут-то мы вдруг (или наконец) узнаём, *что* было в центре процесса (но всё ещё не *как* оно туда попало) и почему к нему был такой интерес во всём мире. И становится понятным, почему обвинение и суд (и Солженицын в своём описании) так мало значения придавали следствию, уликам и медицинской экспертизе – действительно, что они могли знать "о самой принципиальной возможности ритуальных убийств со стороны евреев"?

Итак, кульминация процесса состояла в показаниях экспертов-богословов. Что же они показали? Из вызванных защитой "крупнейших экспертов по гебраизму" мы узнаём о выступлении двух. Один, раввин, "давал экспертизу о Талмуде" – а почему

же не о ритуальных убийствах? – но зато другой, православный профессор Петербургской Академии, "дал общее заключение, отклоняющее кровавое обвинение против евреев". Но это ещё не всё: "он подчеркнул, что православие никогда и не выдвигало их, эти обвинения исходят из католического мира" – вот нам и авторитетное подтверждение того, что раньше говорил нам Солженицын: не там копаете. А если и этого нам мало, так вот самое что ни на есть вещественное доказательство: католический ксёндз, главный эксперт обвинения. Но только *что* он говорил, мы тоже не знаем, ибо сказать что-либо о его показаниях Солженицын не посчитал нужным или возможным. Не то что нам самим так уж это важно или интересно, но как-то само собой возникает вопрос: неужели это всё, что было сказано о самом-самом главном, что так взбудоражило страну и целый мир?

Оказывается, нет: "Прокуроры, в развитие общественного спора, требовали привлечь к рассмотрению прежде возникавшие ритуальные процессы, но защита отвела это ходатайство". Ничего себе мероприятие устроили российские власти – общественный диспут в районном доме культуры! Здесь над безвинным человеком болтается петля и над целым народом занесён топор, а Солженицыну это видится как "общественный спор"! Какая поразительная трансформация солженицынской же фразы "в угрозу целому народу", которая по праву должна была здесь стоять, в совершенно гротескную – "в развитие общественного спора"!

Но как тут оплошали прокуроры, стремясь привлечь к русско-православной процедуре польско-католические атрибуты! Зато защита оказалась на высоте – отклонив это требование, она поступила по-солженицынски: нечего в русско-еврейские отношения вмешивать еврейско-польско-католические. (Здесь, "в развитие общественного спора" о национально-религиозном генезисе кровавого навета, к месту будет ещё одна ирония, но не моя, а рождённая неисповедимыми путями солженицынской аргументации. В этом же абзаце, чуть выше, он приводит такое свидетельство: "в царской России сами становые приставы 'чуть ли не ежегодно' останавливали разговоры о христианской крови для еврейской Пасхи, 'иначе мы имели бы "ритуальное дело" не раз в десятки лет, а ежегодно".)

После этого Солженицын подытоживает судебное разбирательство (начисто выпуская заключительные выступления обвинения, защиты и судьи) следующей фразой: "Таким судебным поворотом – к вопросу о ритуальности или неритуальности убийства – ещё жарче раскалялась мировая напряжённость вокруг процесса". Ничего не понятно. Казалось, с грехом пополам мы уже раньше вычислили, что процесс был ритуальным, и сам Солженицын только перед этим сказал, что вопрос этот был в центре процесса. О каком же "судебном повороте" идёт речь, как, когда и кем был он совершён?

Если у читателя, прочитавшего отчёт Солженицына о процессе, возникает столько вопросов даже по основным пунктам и нет чёткости и ясности по ключевым моментам – и если этот отчёт является правдивым отображением того, что имело место на самом деле, то из этого можно сделать один только вывод: присяжные заседатели – неграмотные или образованные, крестьяне или интеллигенты, здоровые или больные, усталые или отдохнувшие – не могли вынести никакого вердикта вообще на основании того, что проходило перед их глазами и в той обстановке и атмосфере процесса. В такой ситуации их приговор был лотереей – он оказался спасением для Бейлиса и поражением для гонителей евреев, а могло быть и наоборот. В любом случае их не основанное на фактах решение нельзя было бы им ставить ни в заслугу, ни в укор – вот только такой вывод вытекает из внимательного чтения отчёта Солженицына. Сам он делает другой вывод. Может, он не очень внимательно прочитал свой отчёт?

Покончив с процессом, Солженицын ещё на пару страниц не оставляет дело Бейлиса – пойдём и мы за ним. Первое, что он сообщает нам, это что "новых розысков преступников и не начинали, и странное, трагическое убийство мальчика осталось неразысканным и необъяснённым". Как известно, новое расследование при

таких оправдательных приговорах не начинают только в том случае, когда никаких других, кроме приведших к суду, улик, подозрений и версий нет – то ли полиция здесь оказалась бессильной, то ли оправдательный приговор, в силу тех или иных причин, был вынесен преступнику. Солженицын здесь ничего не объясняет. Одно ясно: если новых розысков не начинать, преступление конечно же останется "неразысканным". Но чтобы такое "странное, трагическое убийство мальчика" осталось "необъяснённым", это действительно представляется странным. Неужели при всех многосторонних, как это подтверждает Солженицын, усилиях, при наличии хоть какого-то уровня экспертизы и профессионализма, при достаточно развитой в то время криминалистике, да ещё при пристальном внимании всего мира – неужели никто никогда так и не представил здесь какого-либо мало-мальски обоснованного объяснения, которое заслуживало бы упоминания Солженицыным?

Далее он рассказывает о затее, от которой Распутин отговорил царя: "воздвигнуть часовню на месте, где нашли труп Ющинского". Но ведь труп, согласно Солженицыну, нашли на территории завода, принадлежавшего еврею. Так что же, часовню собирались строить на территории завода, да притом ещё на территории, принадлежавшей еврею? Не слыхано!

Прослеживая судьбы участников процесса, Солженицын особо выделяет – кого? – Веру Чеберяк! Её кончине он посвящает целый абзац, треть страницы. Оказывается, она погибла смертью Зои Космодемьянской, только от рук не немецко-нацистов, а – евреев-чекистов.

Покончив с делом Бейлиса как таковым, Солженицын предаётся некоторым размышлениям в связи с ним. Поразмышляем и мы вместе с Солженицыным. Он говорит нам, что "поучительно сравнить с процессом Бейлиса – происходивший в то же время... в США, тоже громкий процесс над евреем Лео Франком, тоже обвинённым в убийстве малолетнего". Приведя ещё кое-какие подробности этого дела, Солженицын делает *поучительный* вывод: "В плане *личном* – сравнение в пользу царской России". Bravo! Один-ноль в нашу пользу! Хоть в чём-то когда-то да побили Америку. Но, думаете, кто-нибудь это оценил? Так читайте дальше, это тоже "поучительно": "Но случай с Франком имел краткие общественные последствия, и не стал нарицательным". Ах, Солженицын, Солженицын! Знал бы он, сколько в еврейской истории было "случаев", которые тоже не стали нарицательными, а этой "чести" удостоились лишь два современника – дело Дрейфуса и дело Бейлиса. Ну что ж нам сейчас – начать объяснять, заниматься историческим ликбезом?

Но Солженицын в связи с делом Бейлиса в претензии не только к истории: "Однако и еврейская страстность – этой обиды уже никогда русской монархии не простила. Что в суде восторжествовал неуклонный закон – не смягчило этой обиды". Да что там какая-то жалкая "еврейская страстность" – русский народ, русское общество не простили русской монархии того, что она делала с ними, со страной – и свергли её. Кто-кто, а уж Солженицын, посвятивший этой теме десятки лет и много книг, должен это знать. И пафос этого громкого "никогда" как-то уж очень здесь жалок – русской монархии всего-то оставалось жить три года с небольшим. А что же это за такая мистическая субстанция – "еврейская страстность"? Как-то сразу вспомнилась другая – "русская душа". Тем более что – "двести лет вместе".

Но перейдём от мистики к реальности, хотя нащупать её бывает порой не так легко. Вот пишет Солженицын об "этой обиде", а я читаю и перечитываю его текст и никак не могу понять, о чём он говорит. Не могу понять ни грамматически, ни по смыслу. Я знаю, что Солженицын творчески работает с русским языком, но во всём деле Бейлиса, даже в изложении Солженицына, я не могу найти ничего, что можно было бы хотя бы отдалённо назвать невинным словом "обида".

Вот прощение или непростение евреев за принесённые им страдания – это, безусловно, реальность жизни, но только не то непростение, о котором говорит Солженицын. То существует только в голове Солженицына, который его надумал или вообразил, потом носил и берёт в себе, пока не плюхнул в текст, где оно так же

притянуто за уши, как и в жизни. И не надо рассказывать евреям, кому, за что и на какие сроки они не прощают. Хочешь знать – спроси их самих. Простили ли евреи погромы, газовые камеры? Не знаю, у каждого, вероятно, есть свой ответ. Но если их спросить, простили ли они русскую монархию за дело Бейлиса, то ответ, подозреваю, будет одинаковым: "Мне бы ваши заботы..."

Но вот укор в непощении за причинённые страдания... Что-то в этом есть нехорошее, недобросовестное, неправильное. Не должны ли мы оставить вопрос прощения на самого человека, на его внутреннюю душевную работу, где он один на один – и сам с собой, и со своим страданием, и с причинившим это страдание, и со всем остальным на свете, что вместила его душа? А как часто за таким упреком стоят лицемерие и ложь. Именно таким я помню его по советским временам – не оттуда ли позаимствовал его Солженицын, не из своего ли горького опыта? Не его ли теми же почти словами упрекали власти: "Ничего вы не можете простить советской власти!" Вот что стояло за их упреком ему, с такой точностью воспроизведённым сейчас им самим: Да, вы сидели, но ведь многие были в таком же и даже худшем положении. Были совершены ошибки, но ведь партия исправила их, преодолела последствия культа личности, восстановила ленинские нормы законности, вас выпустили, реабилитировали, выплатили компенсацию (моему дяде за десять лет отсидки выплатили два месячных оклада – посмертно), вы вернулись к нормальной жизни, потом стали писателем, вас печатали, приняли в ССП и т.д. и т.п. *Но это не смягчило для Солженицына нанесённой ему когда-то обиды, и солженицынская страстность никогда не простила её советской власти.*

Заканчивает Солженицын своё повествование о деле Бейлиса широким мазком, который он именует "шагами Истории". И предваряет он его тоже такими же "шагами", даже "великанскими", так что дело Бейлиса оказывается в некоем историческом обрамлении. В чём же увиделись Солженицыну эти "великанские шаги"? Я очень удивился, найдя снова в этой его книге эпизод убийства Столыпина Богровым. Я думал, с этим и с еврейским происхождением Богрова покончено в "Августе" (больше всего меня там, помню, поразило, как Солженицын своей авторской ремаркой выскочил из повествования, из жанра и из истории, послав Богрову из сегодня проклятье за то, что тот сделал России). Оказывается, Солженицын рассматривает убийство Столыпина не как событие общественно-политическое, а как феномен русско-еврейских отношений, проведя от него прямые линии к будущим, вплоть до тридцати лет вперёд, потрясениям – вот вам и "великанские шаги Истории".

Но ведь линейные зависимости бывают в математике, а не в истории – Солженицыну надо об этом говорить? Провести прямую линию от одного события в истории к другому, проигнорировав неисчислимое количество сопутствующих факторов, необыкновенную сложность и многоплановость жизни, психологические, культурные и общественно-политические изменения, сдвиги и потрясения – это, знаете ли, даже неловко комментировать. Как и его заключительный "шаг" (тоже выпрыг из темы и из истории) – что, мол, не отразила масс-медиа и не осудила мировая общественность мора 1932-33 годов украинских крестьян, – тех самых, оказывается, что устраивали еврейские погромы на рубеже веков, а затем оправдали Бейлиса (а вот кто принимал потом ещё участие в "окончательном решении еврейского вопроса" – те, кого мор пощадил?).

Что здесь – непонимание самых элементарных вещей или же роковая слепота, вызванная полным сосредоточением исключительно на своём и абсолютной неспособностью увидеть и понять что-то "не своё"? Это видение только "своего" было свойственно Солженицыну во время его жизни в Советском Союзе, и я даже отмечал это в своей книге. Но с тех пор прошло много лет, в том числе и долгой жизни на Западе. Пусть жизни затворнической и опять же в "своём", но ведь и в общении, и в поездках, и в контактах через детей – неужели всё это не оставило никакого следа?

А на сетование Солженицына по поводу невнимания мировой прессы и общественности к тяжёлому положению украинских крестьян в 1932-33 годах – что ж здесь можно сказать? Пусть эти общественные институты сами оправдываются перед Солженицыным за прошлые грехи. Я лишь могу ему напомнить, что то было время Великой Депрессии – мирового экономического кризиса, поломавшего жизнь миллионов людей. Солженицына можно также адресовать к его американскому собрату по перу и Нобелевской премии, показавшему в своих "Гроздьях гнева", чем эта Депрессия явилась для американских братьев украинских крестьян.

Вместе с тем я очень хорошо понимаю эти боль и сосредоточенность на своём, я сам, как и Солженицын, выехал с ними на Запад. Но я очень хорошо помню и первые преподанные мне в этом вопросе уроки – ещё до начала моей многолетней жизни среди "не своих". Два из них были в Лондоне, на больших общественных собраниях, где меня пригласили выступить. На первое, устроенное, кажется, Международной Амнистией, меня пригласили еврейские организации, но ещё до начала встречи ко мне подошли и представители других организаций, боровшихся за права человека в Советском Союзе, и попросили включить в своё выступление преследование и их подопечных. Поскольку для меня в то время всё происходившее в стране было "своим" и хорошо знакомым, мне не надо было делать в своём выступлении никаких разделений, тем более что и на Западе интерес ко всему этому был огромный. В президиуме рядом со мной сидела женщина из Индонезии (там были представители разных стран), и когда она стала рассказывать о том, что творилось в её стране, о преследованиях, которым подвергался, в частности, её муж, я почувствовал неловкость перед ней и перед аудиторией за своё выступление. Хотя я рассказал правду о расправе над свободомыслием в СССР и мои собственные друзья сидели в лагерях и психушках, *такого* в то время там не происходило.

Другое собрание было устроено квакерами, и когда я закончил своё выступление, один из присутствующих обратился к аудитории с вопросом, почему они должны заниматься чужими и далёкими от них проблемами, когда у них немало своих. На это нечего было возразить, кроме того, что я пришёл к ним со своими проблемами не по своей инициативе, а по приглашению, и что мои проблемы никак не умаляют их проблем, о которых я тоже хотел бы знать. Но как нам совместить проблемы друг друга? – этот вопрос довольно неожиданно и остро был поставлен передо мной в Израиле.

У меня там установились очень близкие отношения с одной пожилой израильяночкой, с которой мы беседовали на различные темы, от политических до духовных. Во время одного из наших разговоров она мне вдруг говорит: "Что вы всё время говорите мне о советских евреях, как будто в Израиле нет никаких других проблем? Посмотрите на моих детей. Вы обратили внимание, что они почти не улыбаются – не только они, всё их поколение (у неё были сын и дочь, лет сорока)? Знаете, почему? С юности, почти с детства им пришлось воевать. Я помню, как мы сидели в убежище, а они там, наверху, воевали, а потом спускались к нам, молчаливые, с ружьями в руках, а когда надо было снова идти наверх, они шли и говорили: 'Мама, мы уже так устали стрелять и убивать...'" . Этот разговор у нас был в 1971 году, дети её уже давно не воевали, а работали в научных лабораториях. И я тогда понял, что не только человеческое сердце не может вместить всех вселенских проблем – это доступно только Богу, – но даже еврейское сердце не может вместить всех еврейских проблем.

Сказав, что я знаю, что такое боль о своём, я хочу также сказать, что понимаю конкретную жгучую боль Солженицына за свой народ. Если бы я был сегодня русским патриотом, я бы вылетел от тоски за Россию и русский народ. Не знаю, вместило бы ещё моё сердце интерес и внимание к какому-нибудь другому, но знаю, что очень бы постарался, чтобы оно не вместило – претензий, обид и обвинений к другому, которые так характерны для современного русского патриотизма. Неужели тот, кто

любит свой народ и страну, не понимает, как это унижительно и оскорбительно для них списывать все их беды на кого-то другого, тем самым выставя свой народ дурашливым и беспомощным? Такое впечатление, что оправдание себя и обвинение другого получили постоянную прописку на российской земле – независимо от режима. Помню все эти советские – то "капиталистическое окружение", то "вредители", то "засуха", то "происки", то "всему миру помогаем". Сегодня они смешны, но когда же, наконец, станут смешны заявления, что в бедах русского народа виноват кто угодно, только не он сам?

Вот некоторые мысли и впечатления, которые вызвало чтение нескольких, почти конечных, Бейлисовских страниц книги. Насколько эти страницы отражают (не по содержанию, конечно) то, что представлено в остальном тексте книги, могут судить только те, кто прочитал его. Я не в их числе. Но я хочу, не касаясь больше самого текста книги, вернуться к её предначалу, к авторским предисловиям, к тем напутствиям, которые автор даёт и своей книге, выпуская её в свет, и читателю, приглашая его к путешествию по её страницам.

Но начну я, пожалуй, ещё раньше – с названия книги. "Вместе" – как это хорошо звучит, да ещё при таких внушительных сроках – "двести лет"! Понятно, "вместе" ещё не значит, что всегда в любви и согласии, но ведь и не отдельно, не врозь! Но дело в том, что и "вместе", и "отдельно", и "врозь" говорят об одном и том же – о том, что мы имеем дело с различными и самостоятельными объектами, субъектами, существами, организмами, образованиями и т.п. Но были ли русский народ и евреи России в таком качестве по отношению друг другу? Можно ли их так рассматривать, да ещё на протяжении двухсот лет, как будто за это время не происходило никаких изменений? Даже в царское время, даже тогда, когда евреи жили исключительно в своих местечках, за чертой осёдлости, – даже о том времени, когда русские и евреи составляли чёткие этнические, культурные, религиозные и даже территориальные образования, нельзя говорить, что они жили "вместе". Евреи жили на территории России, Российского государства, и никакого между ними равенства, предполагаемого словом "вместе", не было. Они, евреи и русские, жили друг с другом не "вместе", а рядом. Если пользоваться современной терминологией, то между ними не было *симметрии*. Примеры, иллюстрирующие подобную асимметрию или симметрию, современные или исторические, можно найти повсюду, в том числе и в России.

Но и это положение, которое начало меняться ещё до революции, после неё изменилось коренным образом и продолжало меняться в последующие годы. С ликвидацией черты осёдлости и уравниванием в правах евреи стали, как и русские и представители других этнических групп, *гражданами* страны, а потом вообще все вместе превратились в *советский народ*. Личного опыта российской жизни в постсоветский период у меня нет, я её наблюдаю издали, но уж советский у всех у нас был общий. Как же я, еврей, жил "вместе" с русскими, которые были и моими соседями, и коллегами, и друзьями, и родственниками? Какие у нас были и есть "русско-еврейские отношения", которые входят в "круг рассмотрения" Солженицына? Какие у него самого были "русско-еврейские отношения" с Копелевым или другими евреями, которые попадались ему на жизненном пути? Или со своей полуеврейской женой, или даже с сыновьями, которые по еврейским законам вообще считаются евреями? А ты, читатель, русский ты или еврей, живёшь ли в России или уже нет, что ты можешь сказать о своих "русско-еврейских отношениях"?

Но именно "русско-еврейские отношения" ставит Солженицын в центр своего рассмотрения. И если бы он с этими "отношениями" оставался в прошлом, в истории, то там бы и разбирались с ними потом, при желании, историки. Но нет, он "сосредотачивается" на них "с перевесом на XX век", то есть тащит нас в них, а их – не только в день сегодняшний, но и в завтрашний: «Автор понимает свою конечную задачу так: посылно разглядеть для будущего взаимодоступные и добрые пути русско-еврейских отношений». Мы уже видели, как он "посильно разглядел" их в

деле Бейлиса. Но с каким арсеналом отправлялся он на битву за "русско-еврейские отношения", с каким компасом искал и через какую призму разглядывал эти пути? Вот перечень, из двух-трёх страниц предисловия, того "строительного материала", который Солженицын закладывает в свой фундамент "русско-еврейских отношений": "Они то и дело клином входили в события, в людскую психологию и вызывали накалённые страсти – калёный клин – укору односторонние – научиться не натягивать до звона напряжённых нитей переплетения – такая острота – порывы общественного воздуха – идти по лезвию ножа – с двух сторон ощущаешь на себе возможные, невозможные и ещё нарастающие упрёки и обвинения – горечь прошлого – слишком повышенная горячность сторон – накопились в народной памяти взаимные обиды – когда излечим память – несправедливое освещение прошлого – обе стороны – признание своей доли греха – полемика – споры – справедливость покрыта наслоениями неправды – гнев крайних и непримиримых – трудный взаимный опыт нашего сосуществования – непонимание ошибочное и обвинения ложные – напомнить об обвинениях справедливых..." Что там настрой Солженицына – после такого взвинчивания читателю самому хочется взяться если не за обрез, то хотя бы за перо.

Две здесь "стороны", – юридически, как в суде, втолковывает нам Солженицын. – И их острый двухсотлетний конфликт остаётся неразрешённым. Но отчаиваться не надо, ибо избавление близко: он пришёл и во всём теперь разберётся, выяснит все взаимные претензии и обиды, подсчитает и рассортирует их, каждому воздаст по заслугам, что нужно – "рассеет", о чём нужно – "напомнит", и своим "ясным пером" начертает скрижали "взаимодоступного и доброго" русско-еврейского альянса. После чего умиротворённые "стороны", с катехизисом Солженицына в руках, разойдутся по своим углам. Конфликт будет исчерпан, но "стороны" останутся, ибо вы – это вы, а мы – это мы, вы – одно, мы – другое, вы – евреи, а мы – русские. И будут "стороны" "вместе" иметь "русско-еврейские отношения".

А сейчас я хотел бы обратиться с вопросом к своим собратьям-эмигрантам: а какие в ваших странах проживания существуют "американо-еврейские", "канадо-еврейские", "англо-еврейские", "австралийско-еврейские", "немецко-еврейские", "французско-еврейские" отношения? Не надо этими "русско-еврейскими отношениями" выделять и отделять евреев, даже тех немногих и ассимилированных, возвращённых на русской культуре, что живут сегодня в России. Не об эфемерных "русско-еврейских отношениях", даже не об отношениях между евреями и русскими может идти речь сегодня в России, а об отношении – русских к евреям и евреев к русским. Да и то только в том случае, если такое отношение принимает дискриминационные или оскорбительные формы, становится *проблемой*. По своему опыту я знаю одну такую проблему, одну форму "русско-еврейских отношений" – антисемитизм и реакцию на него.

К сожалению, эта проблема есть в России и сегодня. Какой же вклад вносит книга Солженицына в её разрешение? Я не живу в современной России и не читал книгу целиком. Но на основании того, что мне известно и о книге и о проблеме, я могу лишь сказать, что с точки зрения *разрешения проблемы* было бы лучше, чтобы книга не была написана. Я знаю, что это звучит гротескно, что писатель, особенно такой, как Солженицын, не может не писать на волнующие его темы. Более того, я рад, что он это сделал, что вышло на свет белый, а не осталось бродить и тлеть где-то внутри то, что живёт не только в одном человеке, а, вне сомнений, и во многих других. Что это такое – тема особого разговора. Пока же приходится и здесь сказать то, что говорилось уже по поводу много другого: России предстоит переболеть и этим. Бедная страна, но и – Великая Страна, ибо – я уверен, и Солженицын согласится с этим, – Бог посылает страдания тому, кого отмечает.